

Научная статья
УДК 821.352.3 - 31
ББК 83.3 (2=602) – 444
П 18

DOI: 10.53598/2410-3489-2023-3-322-26-33

К вопросу о трансформации жанра адыгского романа об историческом прошлом на рубеже XX-XXI веков (Рецензирована)

Кутас Нуховна Паранук¹, Кристина Анатольевна Зеленская²

^{1,2}Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия,

¹kutas01@mail.ru, ²kristina.zelenskaya@inbox.ru

Аннотация.

Рассматриваются художественные особенности адыгского романа конца XX - нач. XXI веков. Анализируются романы адыгских писателей Ю. Чуяко, Н. Куёка, Х. Бештокова, Д. Кошубаева в разрезе отображения трансформационных процессов, произошедших в нем на рубеже веков. Уточняются этапы развития адыгского романа в плане взаимодействия с фольклором, определяется новый характер взаимодействия с мифо-эпической традицией в романе об историческом прошлом, выявляются его интертекстуальные связи, типологические сходения с произведениями мировой литературы. Выявляются значительные трансформации жанровой формы адыгского романа об историческом прошлом, выражающиеся в зарождении и утверждении неомифологизма, приобщающие адыгский роман к лучшим достижениям мировой романистики.

Ключевые слова: адыгский роман, неомифологизм, историческое прошлое, мифо-эпическая традиция, постмодернизм, мифопоэтический хронотоп, магический реализм, Нартиада, интертекстуальные связи.

Для цитирования: Паранук К. Н., Зеленская К. А. «К вопросу о трансформации жанра адыгского романа об историческом прошлом на рубеже XX-XXI веков» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2023. Вып. 3 (322). С.26-33. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-3-322-26-33.

Original Research Paper

On transformation of the genre of the Adyghe novel about the historical past at the turn of the XX-XXI centuries

Kutas N. Paranuk¹, Kristina A. Zelenskaya²

^{1,2}Adyghe State University, Maykop, Russia,

¹kutas01@mail.ru, ²kristina.zelenskaya@inbox.ru

Abstract.

The study considers artistic features of the Adyghe novel of the late 20th - early 21st century. The novels of Adyghe writers Y. Chuyako, N. Kuyok, Kh. Beshtokov and D. Koshubaev are analyzed in the context of reflecting the transformation processes

that occurred at the turn of the century. The authors clarify stages of development of the Adyghe novel in terms of interaction with folklore and determine the new nature of interaction with the mytho-epic tradition in the novel about the historical past. The study reveals the intertextual connections and typological similarities with works of world literature. The authors reveal significant transformations of the genre form of the Adyghe novel about the historical past, expressed in the emergence and establishment of neo-mythologism, introducing the Adyghe novel to the best achievements of world novelism.

Keywords: Adyghe novel, neo-mythologism, historical past, mytho-epic tradition, postmodernism, mythopoetic chronotope, magical realism, Nartiada, intertextual connections.

For citation: Paranuk K.N., Zelenskaya K.A. "On the transformation of the genre of the Adyghe novel about the historical past at the turn of the XX-XXI centuries" // Bulletin of Adyghe State University, Ser.: Philology and Art Criticisms, 2023. No.3 (322). P.26-33. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-3-322-26-33.

Введение.

Для адыгских (адыгейская, кабардинская, черкесская) литератур фольклор, мифо-эпическая традиция оставались на всех этапах одним из основных источников развития, хотя динамика их взаимодействия периодически менялась. Рассуждая о характере взаимосвязи литературы и фольклора, К. Султанов справедливо отметил: «Но даже гипотетически я не представляю себе и отдельного писателя, абсолютно свободного от воздействия фольклора. Подлинный художественный поиск, каким бы новаторским он ни был, удерживает в глубине ощущение первоначала, синтезирует в себе традицию и одновременно ее преодоление. Литература развивается не только благодаря, но и вопреки фольклору, причем это «вопреки» не разрыв, а внутреннее отталкивание, полемика, которая, если вдуматься, тоже есть форма связи» [1].

Эти процессы наиболее четко прослеживаются в становлении и развитии жанра романа, ставшего ведущим в адыгских литературах. Как справедливо отмечает М. Бахтин, «...роман единственно становящийся жанр, поэтому он более глубоко, существенно, чутко и быстро отражает становление самой действительности» [2: 451].

Генезис адыгского романа, его этапы становления и развития, специфика трансформационных процессов

этой жанровой формы прослежены в монографических трудах и диссертационных исследованиях известных адыгских литературоведов: К. Шаззо, Р. Мамия, У. Панеша, Ю. Тхагазитова, А. Мусукаевой, А. Камбачоковой и др. Вопросам взаимосвязи литературы и фольклора, мифо-эпическим истокам современного адыгского романа посвящены исследования А. Гугова, М. Хакуашевой, К. Паранук, Ф. Аутлевой, Д. Ахметовой.

Для второй половины XX века в адыгском литературоведении становится характерной тенденция рассматривать миф, эпос и литературу как части единой метасистемы, что обусловило пересмотр и трансформацию методологии анализа художественных текстов, обогащение аналитического инструментария, способов и методов литературного анализа, аналогичного международным стандартам, методологиям. В начале XXI века появляются исследования, посвященные сугубо специфичным процессам внутри жанровой формы адыгского романа: архетипам, мифологемам, неомифологизму, специфике нового мифотворчества, типологическим параллелям с произведениями мировой литературы.

Цели и задачи.

Цель статьи – проследить особенности эволюции жанровой формы адыгского романа на рубеже

XX-XXI веков, исследовать характер и специфику трансформации романа об историческом прошлом, выявить особенности стиля, метода и художественной структуры, определить место данной жанровой формы в современном литературном процессе

Значимость и новизна работы определяется тем, что в ней рассматриваются и уточняются представления о периодизации этапов развития адыгского романа, впервые выделяется третий этап (90-е гг. XX в. – нач. XXI в.), маркируемый ярко выраженными трансформационными процессами. Конкретизируется, что подобные жанровые диффузии характерны, прежде всего, для жанровой формы адыгского романа об историческом прошлом, опирающегося на мифо-эпическую традицию.

Материалы и методы.

Статья основана на теоретических разработках отечественных и зарубежных авторов по исследуемой проблеме. Применение сравнительно-исторического, типологического методов исследования, позволяет выявить специфику диффузии романной формы в адыгских литературах и определить место адыгского романа об историческом прошлом в современном общелитературном процессе.

Обсуждение.

Вопросы периодизации и структурно-типологической классификации являются особенно актуальными для новописьменных литератур, в том числе адыгских [3:36]. В трудах адыгских литературоведов, посвященных этапам становления и развития адыгского романа в его взаимосвязях с мифо-эпической традицией, фольклором, традиционно выделяются два этапа.

Первый этап соотносится с 20-30 гг., когда адыгские писатели делали первые шаги по освоению жанра романной формы и еще были привязаны к фольклорному сознанию (романы Х. Абукова «На берегах Зеленчука», М. Дышекова «Зарево», Т.

Керашева «Шамбуль» и др.). Несмотря на стремление писателей отобразить в своих романах новые процессы преобразующейся советской действительности, жанровая форма романа была далека от совершенства, а использование фольклорных элементов носило зачастую эксплицитный характер.

Для второго этапа (60-80-х гг.) характерно уже более тесное слияние литературы и фольклора, более органичный их сплав, позволявший авторам четко реагировать на бурные процессы обновляющейся жизни, отображать мировоззрение нового героя, его внутренний мир и многообразные связи с окружающим миром, природой, обществом. В поисках новых художественных средств адыгские романисты все чаще вовлекают в поле художественного исследования миф и эпос.

Здесь имеет место «синтез двух типов художественного сознания (мифоэпического и современного литературного)». Литературоведы отмечают новый характер взаимодействия с фольклором, обновление эпической традиции адыгского романа [4: 13,17].

Ю. Тхагазитов говорит о «двух структурно-стилевых доминантах романной формы этого периода: а) собственно-эпический синтез (А. Кешоков); б) философизация прозы, которая, в свою очередь, имеет два разветвления - лирико-психологическое (И.Машбаш, Т.Адыгов) и собственно-философское (А. Евтых, М. Эльберд)» [5: 191].

Классификация Ю. Тхагазитова завершается серединой 80-х годов XX века. Вместе с тем в 90-х годах XX века в литературе происходят весьма значимые процессы, позволяющие, по нашему убеждению, говорить о начале нового - **третьего этапа** в развитии адыгского романа в рамках взаимодействия с мифо-фольклорной традицией. Речь идет не только об обновлении эпической традиции, но и целенаправленном возвращении романа в конце XX

века к мифу, как неиссякаемому источнику народной мудрости, его поэтике и онтологии. Миф становится серьезнейшим подспорьем для адыгских писателей-романистов в выражении и реализации народного мироощущения, в осмыслении исторического прошлого народа.

Необходимо отметить, что адыгские писатели так или иначе обращались к мифу и эпосу с самого начала зарождения жанра романа. Однако на третьем этапе речь шла о «качественно ином возвращении к мифу, ином характере востребованности», когда миф выполнял новые функции, становясь «средством семантической и структурной организации текста».

Этот новый этап маркировался иным характером взаимоотношений мифа, фольклора и литературы, иной динамикой взаимодействия романа и мифа. Парадигма неомифологизма имела место не только в адыгских литературах, но и во всей мировой литературе. Она проявлялась не только в романах об историческом прошлом, но и в романах о современной действительности.

К примеру, романы Х. Бештокова «Каменный век» (1985), Ю. Чуюко «Сказание о Железном Волке» (1993), Н. Куека «Вино мертвых» (2002), Д. Кошубаева «Абраг» (1999) посвящены не только событиям прошлого, но и дают широкую панораму жизненных реалий XX века. Авторы в них опираются как на мифо-эпическое наследие, так и традиции мировой литературы.

Е. Мелетинский отмечал, что «тяготение жанра романа к мифологизации было не случайным» и указывал на ряд причин: «диалектика национального и общечеловеческого, стремление соединить в единый поток настоящее с прошлым для обнаружения их единой метафизической природы или сохранения и возрождения национального мифоэпического наследия» [7: 295-296].

В адыгских литературах перво-проходцем в плане нового характера

освоения поэтики и онтологии мифа стал Хабас Бештоков. Его роман в стихах «Каменный век» был обращен к доисторическим временам и повествовал о племенах дореев и эминеев эпохи каменного века. Жанровая форма этого произведения может быть обозначена как роман-миф и является образцом смелого мифотворчества. Х. Бештоков рисует мир древних племен, враждующих между собой, используя самые многообразные способы и приемы мифологизации: фетишизм, анимизм, космологизацию. Широко, многообразно, талантливо автор изображает быт, нравы, образ жизни, обычаи и традиции древних людей, пытается воспроизвести особенности их мировоззрения и мировидения. Через главный образ – Ану автор передает свою рефлексию об эволюционном пути человечества и перспективах его дальнейшего развития.

Яркое мифотворчество в романе «Каменный век» стало для Х. Бештокова средством решения важнейших нравственно-этических проблем, не утративших своей актуальности и для современности. Представляется важным отметить, что автор, будучи новатором в плане неомифологизма, продолжал опираться на мифо-эпическую традицию адыгов.

Миф (народное предание) о чудовищном Железном Волке, «пожирающем аулы и выедающем сердца людей», лег в основу названия и содержания романа Юнуса Чуюко «Сказание о Железном Волке». Роман, в первую очередь, о современности, но содержит многочисленные экскурсы в историческое прошлое адыгов. Это широкое панорамное многоуровневое повествование об истории и культуре адыгов, раскрываемое на примере трех поколений семьи Мазлоковых. Мифоэпическое сознание адыгов показано в романе через образы шиблокохабльских стариков. Особое место в образной системе романа занимает яркий, монолитный образ Хаджекыза Мазлокова, истинного джегуако,

транслятора народной мудрости, идеи адыгского этикета. В образной системе романа также задействовано огромное количество героев – главных, второстепенных, эпизодичных, составляющих обобщенный образ народов, проживающих на постсоветском пространстве.

Сюжетная канва романа изобилует многочисленными референциями к мифопоэтическому наследию адыгов: мифам, легендам, песням, нартским сказаниям. Миф присутствует в семантике и художественной структуре текста на всех уровнях, он положен в основу названия, он же организует художественную структуру романа, расширяясь и разрастаясь, персонифицируясь в различных персонажах, олицетворяющих зло и наступление технократии.

Особенностью стиля художественного текста является авторская контаминация литературного текста с историческими документами и архивными материалами, повествующими о трагических страницах истории адыгов периода Кавказской войны XIX века. Напряженные внутренние рефлексии автора о судьбе своего народа, о его трагическом прошлом и перспективах на будущее составляют основную идею романа Чуяко, в котором тесно переплелись миф и реальность. Стоит также отметить цикличность времени, демонстрируемую в романе через ситуационные повторы, смену темпоральных планов в романе. В контекст романа органично вплетены нартские сказания, песни, эпические и фольклорные герои, формирующие особую национальную картину мира.

Роман Нальбия Куёка «Вино мертвых» является новаторским по жанрово-стилевым формам, способам и приемам мифологизации. Чередую и органически переплетая миф и реальность, автор повествует об истории адыгов, их прошлом, настоящем, будущем. Используя универсальные возможности мифа, его поэтику и онтологию, писатель

спрессовывает время, чтобы уместить в небольшом по объему повествовании всю многовековую историю народа, представленную через историю рода Хаткоесов – потомков великих хаттов. Роман состоит из семнадцати отдельных новелл, каждая из них посвящена одному из трагических периодов в истории народа.

Большинство из героев романа – славные бесстрашные воины разных времен из рода Хаткоесов, беззаветно преданные родной земле, своему народу. Наряду с ними в образной системе присутствуют нартские богатыри, известные фольклорные герои, реальные исторические лица, а также мифологические персонажи: Ляшин, Фэнэс, Три-бабушки, являющиеся бессмертными. Все они одновременно сосуществуют в одном мифопоэтическом пространстве романа. Соответственно мифологическому сознанию, время в романе циклично и не делится на прошлое, настоящее, будущее. Примечательно, что первая и две последние новеллы апеллируют к мифопоэтическому материалу Нартиады, то есть повествование об истории народа автор начинает с великих нарттов и завершает мифом о смерти полубога Тлепша и одновременном рождении от него и нартской красавицы Адюх молодого героя. Автор связывает с его рождением начало нового космического цикла и будущее своего народа.

Н. Куёк мастерски использует в романе самые разнообразные методы и приемы мифологизирования, большинство образов характеризуются высокой степенью мифологизации (древние мифологемы, архетипы, приемы двойничества, трагедии и др.). Писатель впервые вводит в образную систему адыгского романа героев с трансцендентным сознанием (Тлепш, Ляшин, Фэнэс). Автор создает сложную пространственно-временную структуру, в которой легко сменяются темпоральные планы. Он сворачивает

привычное линейно-историческое время в круг, формируя цикличность, столь характерную для мифомышления. Пространство то сжимается, то расширяется до размеров Вселенной. Ряд адыгских исследователей (К. Анкудинов, К. Паранук) отмечали типологические сходения этого произведения с романом колумбийского писателя Г. Маркеса «Сто лет одиночества», написанного в стиле магического реализма. Специфика жанровой формы романа «Вино мертвых» определяется его как философско-мифологический в адыгском литературоведении.

Еще одним ярким образцом мифотворчества в адыгской романистике является постмодернистский роман «Абраг» Джамбулата Кошубаева. Автор использует жанровую форму «романа в романе», в котором сопоставлены прошлое и настоящее адыгов через изображение современного города Абраг и Нартиады. Жители Абрага с говорящими фамилиями (Хабзиковы, Джегуаковы, Суретовы), преисполненные собственного достоинства, гордыни и невежества, не выдержали божественных испытаний на любовь, человечность. В результате город, «по божественному замыслу», был потоплен, спасся только писатель Альберт Крымов. Автор романа через своего героя совершает художественную ретроспекцию в Нартиаду - золотой век, мир истоков, «мир лучших» (по Бахтину) – в поисках ответов на сложнейшие духовно-нравственные вопросы современности.

Вторая часть романа, посвященная Нартиаде, составляет сюжетное ядро романа и изобилует мифо-эпическим контентом. Однако стиль изложения эпического материала не традиционный, а соответствует постмодернистской поэтике. Автор через своего героя с иронической усмешкой воспроизводит основные эпизоды эпоса, главных и второстепенных персонажей: Сосруко, Бадыноко,

Ашемеза, Адюх, Сатаней, Барымбух и др. В контексте романа задействован почти весь пантеон известных адыгских божеств: всемогущий бог Тха (Уашхо), Тлепш, Мазитха, Псатха, Тхаголедж, Амыш и другие, изображенные «с неизменной улыбкой». Художественный экскурс в мир истоков, и своеобразная «ревизия» мифо-эпического наследия Нартиады приводит героя Альберта Крымова к печальным выводам: нарты тоже не были лишены пороков. Изображая подвиги и благодеяния известных героев эпоса, автор не обходит стороной и присущие им пороки: хитрость, зависть, жадность, гордыню.

В «Абраге» присутствует сложный мифопоэтический хронотоп, текст изобилует интертекстуальными связями, в образной системе присутствуют мифологические персонажи - продукты авторского мифотворчества: бессмертная бабушка Альберта Барымбух, легко перешагивающая через границы миров, библейские герои Прозектор, Экзекутор Апологус, бывшие свидетелями Содома и Гоморры. Именно эта «загадочная тройца» приводит в исполнение божественный замысел и топит город Абраг, и на его месте появляется изумрудно-золотистое озеро. Вполне очевидно, что последний эпизод романа с затоплением города также мифологизирован и недвусмысленно апеллирует к эсхатологическому мифу о конце мира.

В арсенале художественных средств Д. Кошубаева маркируется еще множество других способов и приемов мифологизирования, характерных для постмодернистской поэтики: двойничество, зеркальность, дублирование, сновидения, узнавание сквозь пелену времен, гротескно-фантастическая стихия, тотальная ирония и др. Таким образом, художественная ретроспекция в мир мифа и эпоса помогла автору в поисках и решении

духовно-нравственных проблем современности.

Заключение.

Итак, опора адыгского романа на миф, его универсальный смысл на рубеже XX- XXI вв. способствовали углублению его проблематики, художественного конфликта и выходу на широкомасштабное художественное исследование глобальных проблем современности

Под влиянием поэтики мифа в художественной структуре анализируемых романов происходят существенные изменения. Авторы создают сложнейшие пространственно-временные континуумы, в которых одновременно пребывают герои разных эпох. Пространство и время предельно мифологизируются, линейно-историческое время сворачивается в круг и становится цикличным, Подобное чередование темпоральных планов, органическое сочетание и переплетение реалистического и мифологического начал является характерным для повествовательного нарратива романов Н. Куека, Ю. Чуяко, Х. Бештокова, Д. Кошубаева и др.

Существенным изменениям в романах подверглись и принципы образостроения, они, как правило, архетипичны и обладают высокой степенью мифологизации. Инновационным для адыгского романа можно считать и появление в образной

системе героев с трансцендентным сознанием.

Выводы.

Таким образом, в конце XX - нач. XXI вв. в истории развития адыгского романа отмечается **третий этап** в плане взаимодействия с мифо-фольклорной традицией, характеризующийся значительной трансформацией семантики и художественной структуры. Изменения коснулись, прежде всего, жанровой модификации романа об историческом прошлом.

Специфика трансформационных процессов, особенно маркируемых в романе об историческом прошлом, в адыгской романистике была обусловлена появлением и формированием неомифологизма, нового мифотворчества. Парадигма неомифологизма в современном адыгском романе значительно обогатила его художественные ресурсы, обусловила многообразие жанровых форм (роман-притча, роман-миф, философско-мифологический роман), и методов (реализм, постмодернизм, магический реализм).

Важно отметить, что при этом адыгский роман по-прежнему сохраняет приверженность адыгской мифо-эпической традиции, и Нартиада продолжает оставаться для него источником идей, мотивов, образов, непреходящей народной мудрости.

Примечания:

1. Султанов К.К. Сложность и многообразие связей // Вопросы литературы. 1973. № 11.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
3. Панеш У.М., Сиюхов С.Н. Об актуальных вопросах периодизации и структурно-типологической классификации отечественной литературы XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 1 (114). С. 36-41.
4. Ахметова Д.А. Обновление эпических традиций в современном адыгейском романе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2009. Вып. 3 (46). С. 13-17.
5. Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов: опыт теоретической истории: эпос, литература, роман. Нальчик, 1996. 214 с.

References:

1. Sultanov K.K. Complexity and diversity of connections // Issues of Literature. 1973. No. 11.
2. Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics. M., 1975.
3. Panesh U.M., Siyukhov S.N. On topical issues of periodization and structural-typological classification of the national literature of the 20th century // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maykop, 2013. Iss. 1 (114). P. 36-41.
4. Akhmetova D.A. Renewal of epic traditions in the modern Adyghe novel // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maykop, 2009. Issue. 3(46). P.13-17.
5. Tkhagazitov Yu.M. Evolution of the artistic consciousness of the Circassians: the experience of theoretical history: epic, literature, novel. Nalchik, 1996. 214 pp.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; одобрена после рецензирования 12.08.2023; принята к публикации 14.09.2023.

The paper was submitted 25.07.2023; approved after reviewing 12.08.2023; accepted for publication 14.09.2023.

© К. Н. Паранук, К. А. Зеленская, 2023